

УДК 82.0+821.161.3

**«МЕРТВЫЙ МИР» ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ
В БЕЛОРУССКИХ РОМАНАХ НА РЕВОЛЮЦИОННУЮ ТЕМАТИКУ***канд. филол. наук, доц. М.М. ИОСКЕВИЧ**(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)**marioskevich@yandex.ru*

Литература является одним из средств, внедряющим социальный миф в сознание масс. Социальный миф советской эпохи провозгласил установление справедливого государственного устройства – Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Это утверждение раскрывается прежде всего в произведениях революционной тематики. Они обладают очевидным мифологическим подтекстом, в основе которого лежит предание о происхождении нового мира, а также о подвигах новых героев. В романах революционной тематики перед авторами стояла задача изобразить жизнь в царской империи в негативном ключе, заставить читателя почувствовать необходимость перемен, которые принесла революция. Достичь этого представлялось возможным через придание изображению дореволюционной жизни признаков мифологического «мертвого мира», которые раскрываются через символические моральные мотивы, вызывающие негативное читательское восприятие: «мертвый мир» детства, засилье старых обычаев и традиций, преобладание у персонажей материально-телесного интереса, хаотический ландшафт. Пребывание героя в «мертвом мире», выступающем в начале романов в качестве экспозиции, способствует развитию основной функции протагониста – противостоять «мертвому пространству», стремиться преобразовать его, «оживить».

Ключевые слова: белорусский роман, революционная тематика, моральные мотивы, социальный миф, царская империя, «мертвое пространство».

Введение. В литературоведении закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, его отображении в художественном произведении. В широком понятии социальный миф – это обобщенное иллюзорное представление о действительности, осуществляющее большое влияние на массовое сознание. П.С. Гуревич дает более узкое определение социального мифа как особого вида духовной деятельности «по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы» [1, с. 9].

Одним из средств, внедряющим социальный миф в сознание масс, является литература. В советскую эпоху основополагающим художественным методом был провозглашен соцреализм, который способствовал идеологическому воздействию на читателя. По словам М.А. Литовской, «социалистический реализм вводился сознательно и целенаправленно в период активного формирования типа культуры, отвечающего новым требованиям советского руководства» [2, с. 14]. Исследовательница отмечает, что «писатель превращается в исполнителя, чьи цели были определены ВКП(б). А он с помощью известных ему приемов должен осуществлять манипуляцию душами, то есть перестраивать сознание. Аналогичные задачи ставятся в любом обществе перед так называемой пропагандистской литературой и отчасти популярной массовой литературой, призванной внедрить в сознание читателя некие незыблемые, полезные государству правила поведения и способы решения проблем» [2, с. 18]. «Доктрина» соцреализма требовала возникновения художественных произведений, отражающих его основные положения. В основу данного метода «с самого начала было заложено равенство на эталонный текст, тяга к дублированию, варьированию, тавтологии, сигнализирующее о приверженности субъективного высказывания нормативному сверхтексту» [2, с. 19].

Социальный миф советской эпохи провозгласил установление справедливого государственного устройства – Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Утверждалось, что в царской империи положение трудящихся было невыносимо, там царили «произвол и беззакония, бесправие, неуверенность в будущем, власть чистогана, стихия рынка, неравенство, своекорыстные капиталисты, голод бедняков, трущобы» [3]. Как замечает С. Фирсов, «старое стало синонимом злого, несовершенного, ошибочного. С годами этот “почти манихейский дуализм” дошел до абсурда: царство пролетариата – светлое царство Ормузда, царство помещиков и капиталистов – темное царство Аримана» [4].

Социальный миф о справедливом государственном устройстве находит свое утверждение прежде всего в произведениях революционной тематики. Они обладают очевидным мифологическим подтекстом, в основе которого лежит предание о происхождении нового мира, а также о подвигах новых героев. В этих произведениях очевидна единая структура композиции – линейная последовательность функций главных героев. Нами выделяются следующие функции: Функция 1 (F1) – герой оказывается в «мертвом мире»; Функция 2 (F2) – герой испытывает «недостачу» (термин В.Я. Проппа); Функция 3 (F3) – деяния героя; Функция 4 (F4) – герой претерпевает; Функция 5 (F5) – возрождение героя.

В романах революционной тематики перед авторами стояла задача изобразить жизнь в царской империи в негативном ключе, заставить читателя почувствовать необходимость перемен, которые принесла революция. Достичь этого представлялось возможным через придание изображению дореволюционной жизни признаков мифологического «мертвого мира». Таким образом, цель данного исследования – проанализировать Функцию 1 в романах революционной тематики и выявить художественные способы изображения жизни в царской империи как «мертвого мира». Материалом исследования послужили романы «Сын» Р. Мурашко, «Сокі ціліны» Т. Гартного, «Віленскія камунары» М. Горецкого, «На ростанях» Я. Коласа.

Основная часть. «Мертвый мир» в романах революционной тематики соотносится, прежде всего, с периодом детства героя, который соответствует миру взрослых по системе ценностей, поведенческим и трудовым практикам. Основная задача детей бедняков в царской империи – помочь выжить родителям, не быть в тягость, заработать на кусок хлеба. Детства в традиционном понимании у них нет. Во многих романах революционной тематики обнаруживается сходное развитие сюжетной линии: герой рано остается без отца, служит пастухом, после чего перебирается в город и становится рабочим.

В романе «Сын» герой взрослеет в родной деревне, враждебно настроенной по отношению к пастуху и его матери. Мир детства Игната – это постоянная борьба за существование, стремление помочь матери, невозможность учиться. Во время страшной грозы, что застала стадо Игната в поле, односельчане волнуются за судьбу стада, а не пастуха, которого мать находит без сознания. Это происшествие обладает чертами сказочной инициации героя, соответствует важному этапу на жизненном пути. После случая с грозой Игнату отказывают в службе, он вынужден искать заработок в городе, что является переломным моментом в судьбе. Новый локус проживания – город – более динамичен, прогрессивен и способствует развитию героя как личности.

Остается без отца и герой романа «Сокі ціліны» Т. Гартного. Рано овдовев, мать Рыгора положила все силы на воспитание сына, которому с детства было суждено пройти сложный путь. С десяти лет он был отдан в пастухи, работал батраком, однако выучился грамоте. Затем решил отправиться в город, чтобы работать на заводе. Первая часть романа («квадра») раскрывает отличие героя-пролетария от сельского жителя. С приездом Рыгора матери особенно бросается в глаза его одежда. Раньше, работая по найму, Рыгор «заўсёды хадзіў чорным і брудным, цяжка і многа працаваў, і на падзёншчыне, і за балагола. А цяпер – не пазнаць: чысценькі, беленькі, у новым гарнітуры, у чорным капелюшы, у манішцы. Прычэсаны, прыгладжаны, гасцінны, далікатны! Не той, зусім не той!» [5, с. 45]. Рабочий, таким образом, оказывается на более высокой социальной ступени, чем крестьянин, что отражено во внешнем виде героя.

В романе «Сокі ціліны» город обладает признаками «живого» мира по сравнению с «мертвым миром» местечка, ведь именно рабочие окажутся главной движущей силой революции. Эту инаковость, чуждость осознает и сам Рыгор: «у яго жыцці прайшла высокая мяжа, паабাপал якое два розных свету. Той свет, у каторым ён жыў да паездкі ў Рыгу, страціў сваю цнотную цікавасць, пашарэў і пахаладзеў. Той другі, з якім ён сустрэўся ў шумным бурлівым горадзе, сярод тысяч рабочых, новых для яго людзей, у заводскіх майстэрнях – гэты свет запалаяў яго нутро, заварожваў думкі і пачуцце» [5, с. 73]. Материнская хата кажется «маркотнай і спакойнай», навеваает грусть. Город же, напротив, «ураціў яго ў сваё бурлівае жыццё, уцягнуў у вадакрут дынамічных падзей фабрычнага асяроддзя» [5, с. 112], «а калі ўвойдзеш у такі завод – колькі там народу-у-у! Як мурашак, як на пажары: кішаць, бегаюць, лётаюць. Машыны гудуць, калёсы верцяцца, шум, стук, грукат, свіст...» [5, с. 44].

Мифологический образ «мертвого мира» возникает и при изображении любовной линии романа, отношений Рыгора, Зоси и Василя Берага, богатого наследника. Зося тянется к Рыгору, ей противна даже внешность богатея: «малады і моцны, але нехлюяваты, сутулы і касы, з легкім рабаціннем на белым пляскастым твары» [5, с. 7].

Неприглядная внешность богача участвует в создании социального мифа, формируя негативное читательское отношение к герою. Если к Рыгору силцовская знать относится с презрением как «голяку», «демократу», «верацяну без пражы – куды ткнуў, там і месца» [5, с. 133], то Василь в глазах жителей местечка является воплощением традиционного образа жизни, вековых ценностей, достатка. Однако выйти замуж за богатея означает для Зоси «смерть»: «кідайце мяне жывою ў яму» [5, с. 129]. Узнав о заручинах Зоси, состоявшихся несмотря на ее сопротивление, Рыгор произносит: «Што ж, памянем, калі так..., астаюцца, значыць, памінкі» [5, с. 144–145]. Эти слова свидетельствуют о символической смерти Зоси: «Было някавата глядзець на яе: асавелья, запаўшыя глыбока вочы, смуглы ўзрок, авяўшыя і збялеўшыя шчокі. Бралася за работу, а работа выпадала з рук, не рабілася. Нават гаварыць ёй было цяжка» [5, с. 145]. Жизнь девушки, попавшей в «мертвый мир» нежеланного замужества, оказывается разбитой. В дальнейшем до Рыгора долетают слухи о том, что Зося, измученная жизнью с мужем и не нашедшая поддержки у родных, становится прачкой.

В романе-хронике «Віленскія камунары» автор также уделяет особое внимание миру детства героев. Рассказчик Матей Мышка раскрывает перед читателем свою родословную, судьбу прадеда, деда

и отца. Прадед, «на злосць пану», повесился в лесу «на горкай асіне». Дед, выучившись писать, проиграл тяжбу за землю и был сослан в Сибирь. Подробнее Матей останавливается на событиях жизни своего отца, Михася Мышки. Отец героя подвергается насмешкам и избиению за службу свинопасом как со стороны сверстников, так и от хозяина, фактически становясь изгоем в родной деревне: «Яны, сябры яго, аднагодкі, гуляючы, білі яго з поўным правам: што ён, жыхар мястэчка, – свінапас у вёсцы... На іх думку, ён зніжаў іх гонар, зніжаў гонар вуліцы і ўсяго квартала, зніжаў гонар усяго мястэчка. Дык лупілі яго, як маглі: кроў з носа яму спускалі, выдзіралі валасы, засыпалі вочы пылам, плявалі яму у твар» [6, с. 256]. Эта «инициация», «испытание» физической силой заставляет подростка отправиться в город для обучения сапожному делу. Перед читателем проходит смена повседневностей в царской империи, типичных для ребенка крестьянина, отданного в город учиться ремеслу. В романе «мертвый мир» царской империи, как городской, так и сельской, отражен через символические моральные мотивы: побои, отсутствие медицинской помощи, высокий уровень детской смертности. Жизнь Вильно в период немецкой оккупации усиливает тему смерти: начинается голод, самоубийства.

В романе «Віленскія камунары» после поражения революционеров новая повседневность под властью поляков ничем не отличается от царской и оккупационной: «Як і ў гады майго маленства, так і цяпер там – крывыя вулачкі з пылішчаю і смуродам улётку, з гразёю па калена ўвосень і вясною, пакрыўленыя набок хаткі, сарваныя з крукоў вароты, паломаныя тратуарчыкі ў адну-дзве дошкі. І сохленькія дрэўцы, што яшчэ у гады майго маленства тырчалі ўздоўж гэтых тратуарчыкаў сям-там пры хатках, – за ўвесь час не падраслі, тырчаць, як і бывала, нікім ніколі не абгарожаны і вечно абгрызены табуном галодных местачковых коз» [6, с. 471]. Перемены только в одном: «замест аднаго царскага урадніка цяпер – шмат паліцыянтаў і шпікаў, а замест адной царскай манаполькі – дзесяткі рэстарачый» [6, с. 471]. В Вильно «крызіс, безработце, фашысцкая рэакцыя» [6, с. 471]. Таким образом, изображенная в романе жизнь в панской Польше обладает всеми признаками мифологического «мертвого мира», где даже земля лишается плодородия, своей «живой» функции.

В первой книге трилогии «На ростанях», наиболее наполненной мифологическим подтекстом, учитель Андрей Лобанович оказывается в глухой полесской деревне, которая предстает как «мертвое пространство». Деревня со всех сторон окружена лесами и болотами. Лес традиционно признается «чужим» пространством, сосредоточием нечистой силы, угрозы живому человеку. Болото, беспорядочная смесь земли и воды, также несет угрозу смерти, выступая в роли границы «живого» и «мертвого миров». По ночам деревня оказывается в сказочном чреве мрака и тумана, на нее наступает стена пущи. В первые дни после приезда Лобанович психологически ощущает давление со стороны «мертвого пространства», чувствует себя «як бы чымся звязаным, як бы на ім была надзета цесная адзежына» [7, с. 16]. Окружающий пейзаж поддерживает ощущение смерти, мотив погребения. От болот, низкорослых деревьев, почерневших корчаг, порывевающей травы веет невыразимой печалью: «гэтыя малюнкі тамілі вочы і засмучалі сэрца». Глядя на болота, Лобанович ощущает «адарванасць ад жыцця і свету» [7, с. 19].

Сама деревня выглядит неприветливо и неряшливо: «На ўсім ляжала пячаць нядбаласці і нейкай недаробленасці, як бы тутэйшыя гаспадары будаваліся на скорую руку і ўсё рабілі да часу і яшчэ не управіліся даць той лад і парадак, якім, наогул, адзначаецца беларуская вёска» [7, с. 16]. Улицы утопают в грязи, перед домами беспорядочно свалены бревна. Эта полесская деревня обнаруживает черты «аномалии», выступая в качестве антипода обычной белорусской деревни, чем подтверждает свою принадлежность к «миру мертвых».

Лобанович знакомится с местным обществом, которое также обнаруживает черты «мертвого мира», погрязшего в грехах. Местная интеллигенция проводит свой досуг в бесконечной еде и выпивке, разговорах о женщинах, игре в карты, что, согласно фольклорным мотивам, является излюбленным занятием представителей потустороннего мира, нечистой силы. Основной интерес интеллигенции можно охарактеризовать как материально-телесный. Хозяйство, достаток, выгодная женитьба – вот ее основные стремления. Образ «мертвого» панямонского общества возникает и в речи редактора Бухберга: «бо вы замкнуліся ў цесныя сцены, вы прыйшлі ў катух, поўны смуроду, вы атруцілі яго сваім дыханнем» [7, с. 210], «я бачу трупныя цені на ваших тварах» [7, с. 211].

Учитель же принадлежит миру живых, чувствует, «як моцна звязан ён з жыццём» [7, с. 109], мечтает о путешествии, исследовательской и общественной работе, которые являются «живыми» видами деятельности: «Яго цягнула вольная праца ў невядомых прасторах людскога жыцця, яму хацелася пашырыць свой круггляд, набыць тыя веды, якіх яму так бракавала. Яго, наогул, захапляла і вабіла жыццё з прынаднымі малюнкамі і таемнымі чарамі» [7, с. 84]. На протяжении зимы тяжелая повседневная работа в школе хоть и приносит удовлетворение, но не создает условий для полной самореализации: «Нейкае незадавальненне, няяснае адчуванне бяссэннасці такога жыцця, якім жыве ён, пачуцце адзіноты пачала закрадацца ў душу» [7, с. 104]. Работа в школе представляется учителю «мала вартоўнай», и слова Трусевица, который мечтает продолжить учебу в учительском институте, вызывают у Лобановича чувство

отчуждения. Заниматься только служебными обязанностями означает для героя «павольнае уміранне душы і зацягванне балотам», и, как результат – «грамадзянская смерць» [7, с. 132].

Заключение. В белорусских романах революционной тематики изображение царской империи обладает мифологическим подтекстом «мертвого мира», который раскрывается через символические смертные мотивы, вызывающие негативное читательское восприятие: «мертвый мир» детства (неполные семьи, непосильная работа, издевательства, побои); засилье старых обычаев и традиций (необходимость следовать родительской воле); преобладание у персонажей материально-телесного интереса (отсутствие стремления к духовному и интеллектуальному развитию); рутинная, не приносящая удовлетворения деятельность; «умирающий» пейзаж (неупорядоченное, хаотическое пространство сельского и городского ландшафтов). Пребывание героя в «мертвом мире», выступающем в начале романов в качестве экспозиции, способствует развитию основной функции протагониста – противостоять «мертвому пространству», стремиться преобразовать его, «оживить».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, П. С. Социальная мифология / П. С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
2. Литовская, М. А. Социалистический реализм в литературе XX века / М. А. Литовская // Филологический класс. – 2008. – № 8. – С. 14–21.
3. Эдельман, О. Легенды и мифы Советского Союза [Электронный ресурс] / О. Эдельман. – 2017. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_15.htm. – Дата доступа : 02.09.2017.
4. Фирсов, С. Перевернутая религия: советская мифология и коммунистический культ [Электронный ресурс] / С. Фирсов. – 2011. – Режим доступа: <https://pitanov.livejournal.com/515662.html>. – Дата доступа : 02.09.2019.
5. Гартны, Ц. Сокі цаліны: раман у чатырох квадрах (квадры першая і другая) / Ц. Гартны. – Мінск : Юнацтва, 1993. – 446 с.
6. Гарэцкі, М. Выбраныя творы : у 2 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1973. – Т. 2. – 480 с.
7. Колас, Я. На ростанях : трылогія / Я. Колас. – Мінск : Нар. асветы, 1972. – 696 с.

Поступила 17.10.2019

“DEAD WORLD” OF THE TSARIST EMPIRE IN THE BELARUSIAN NOVELS ABOUT THE REVOLUTION TIME

M. IOSKEVICH

Literature is one of the means of introducing social myth into the consciousness of people. The social myth of the Soviet era proclaimed the establishment of an equitable state system – the Great October socialist revolution started a new era in the history of mankind. This theme is revealed primarily in the works devoted to revolutionary activities. They have an obvious mythological implication, which is based on the legend of origin of the new world, as well as the exploits of new heroes. In the novels of revolutionary theme authors had to portray life in the tsarist Empire in a negative way, to make a reader feel the need for change which the revolution had brought. The image of pre-revolutionary life acquired traits of the mythological “dead world”, which are revealed through symbolic mortal motifs that cause negative readers’ perception: “the dead world” of childhood, the dominance of old customs and traditions, the predominance of material interest for characters, the chaotic landscape. Acting at the beginning of novels as an exposition “the dead world” promotes development of the main function of a protagonist – to resist “the dead world” and transform it.

Keywords: Belarusian novel, revolutionary theme, mortal motifs, social myth, the tsarist Empire, “dead locale”.